



13.03.2014, 23:54 Москва

свой опыт

Черновик для Навального и предложение гадить в автозаке

Рассказывает задержанный 4 марта на антивоенном сходе у Министерства обороны Михаил Агафонов:

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

04.03.14

1.Митинг, автозак

На митинге я был секунд 40. Пришёл туда с плакатом «Военный преступник Путин будет казнён» (кто меня теперь не покрыл за него позором! А ведь, строго говоря, это вовсе не призыв и не одобрение смертной казни, а прогноз или предупреждение). Сразу же ко мне подошёл толстый мент с просьбой уйти, я отказался, он предложил «отойти к автозаку поговорить», я отказался вторично и был поднят ментами и внесён в машину по воздуху.

В автозаке нас было около 28 человек, из которых половину («с плакатами») увезли в ОВД Южное Тушино, а другую половину — куда-то в Митино что ли. В ОВД приехали в 9 часов вечера, т. е. ехали мы почти 2 часа.

2. ОВД ЮТ

В ОВД Южное Тушино менты сходу отказались записывать нас в книгу регистрации доставленных, сообщив, что это делается на основании протокола о задержании, а протоколы будут писать по предъявлению паспортов. Мы попрепирались (причём менты грубили и угрожали), некоторые из нас паспорта предъявили, другие — нет, и далее всё происходило чудовищно медленно. Было много сотрудников, все писали-писали что-то, никак не могли написать. Один раз всех водили парами делать дактилоскопию. Насколько я понял, никто не согласился — но к моменту моей очереди отказ ментов ещё злил. Мы много и, местами, на повышенных тонах (а также с разными грубостями — с их стороны) выясняли, что значит слово «добровольное согласие», но, в конце-концов, они сдались. Заставили писать объяснительную на имя начальника ОВД Океанова, в которой не просто велели отказаться от дактилоскопии, но и подробно описать, за что я был задержан (чему был посвящён митинг, какие я держал плакаты и кричал лозунги и т. п.), а также аргументировать свой отказ (на это у меня уже

листа не хватило). Также они нас сфотографировали в трёх ракурсах и один мент довольно безнадежным уже тоном попросил меня дать проверить мой телефон — «вдруг вы там какие-то плохие СМСки пишете». В проверке телефона я отказал.

В актовом зале постоянно обсуждалось, дадут ли нам статью 19.3 (по которой могут дать до 15-ти суток ареста, и, в частности, до двух суток досудебного ареста) или 20.2 (по которой — только штраф и не более трёх часов в отделении). Менты отказывались выдавать свои планы, дезинформировали публику — то говорили, что ночевать все будут дома, то — что оставят на ночь только тех, кто не сдал паспорт или кто «слишком выступает» (имелось в виду требование занести правильное время доставки в книгу регистрации — оно, кстати, по факту оказалось более-менее точно указанным, 21.30) и т. п. Первым трём оформленным удалось уйти домой с 20.2, когда наступила полночь — истекли три часа с момента приезда в ОВД. Я в это время сидел как раз у какого-то отдельного мента в штатском в кабинете, там было ещё до 5 сотрудников (мы вели в основном теоретический спор о пользе территориальных приобретений, зачем нас туда вызывали — сказать сложно. Однако, когда я сказал, что мой плакат был «Путина — в Гаагу», они меня уличили в неточности, т. е., возможно, это были писавшие протоколы о задержании менты, заносившие меня в автозак; говорят, их там держали до самого нашего водворения в КПЗ) — и заходит ещё один и говорит: «Мне там компостируют мозги про истечение трёх часов, поэтому оформляем всех на сутки». Таким образом, мы были оставлены на двое суток в ОВД не из-за тяжести наших преступлений, а из-за заторможенности ментов: в ОВД Митино (?) за то же время оформили и отпустили по домам всех доехавших дотуда, кроме Строганова.

Принятое в кабинете решение оформлять всех на сутки (т. е., по 19.3) вызвало горькие матерные стоны у ментов

из актового зала, потому что они на всех писали протоколы по 20.2. Протоколы эти не были аннулированы, но к ним прибавились вторые, абсолютно аналогичные в описательной части; т. е. получалось, что меня при задержании как бы хватали за правую руку по одной статье, а за левую — по другой. Излишне говорить, что идентичными протоколы были для всех задержанных, как будто мы, как в армии, все вместе повторяли одни движения и кричали одни лозунги (впрочем, мой плакат про «Путин будет казнён» мне в протоколе упомянули — кажется, другим — нет). Понравилось, что в протоколах сказано, что мы выкрикивали антиправительственные лозунги «Долой войну!».

Ещё позабавило, что в качестве черновика для оформления протоколов использовался текст, героем которого являлся Навальный. Не знаю, им разослали по всем отделениям, или он тоже когда-то попадал в ОВД Южное Тушино.

За получение копий наших протоколов мы расписались, но обещали выдать их при выпуске из КПЗ.

05.03.14

3. КПЗ

В КПЗ мы попали уже около трёх часов ночи — говорят, менты пытались найти понятых для описи отбираемых предметов (не нашли). В ОВД «Южное Тушино» три двухместных камеры предварительного заключения, нас было восемь человек (три — девушки). Нам выдали два матраса и полторы упаковки сухого пайка «Индивидуального рациона питания для спецконтингента» — растворимые каша и пюре чай, сахар и крекеры. Те из нас, кто не заснул сразу — поели, затем легли. Двоим, соответственно, не нашлось места

на лежанках, я, например, спал на полу без матраса; камеры не отапливались.

Наутро пришла новая смена во главе с майором Ростиславом Михайловичем Шевчуком, и все неприятности предыдущего дня оказались пустяками. Майор Шевчук запер двери камер (ночью они были открыты, чтобы можно было выходить в коридор — в туалет, и вообще погреться, а заперта была только общая решётка), отказал в кипятке для заварки оставшегося с ночи чая, долго игнорировал требование из женской камеры дать доступ к оставшимся в сданных вещах лекарствам, и так и не дал законный звонок родным, от которого ночью отказались (отказ был заранее записан принимавшей нас сменой в бланк; на вопросы менты сказали — «да нам всё равно, звоните, сколько хотите» — но м. Шевчук оказался не таким). О таких пустяках, как отказ сообщить, сколько времени («Вам этого знать не положено») можно и не упоминать. «Где же ОНК?» — спрашивали мы друг друга.

Около часа дня всем были розданы сухпайки для спецконтингента. Учитывая, что там — по 4 пакета корма, можно допустить, что коробка полагается на сутки, но — при наличии кипятка, кипятков же нам дали тогда — в последний раз.

Около трёх часов нас вывезли в суд, выдав на руки копии протоколов. Не знаю, кому как, а мне выдали два идентичных ксерокса протокола по 20.2, а копии протокола по 19.3. я не получил, хотя расписывался за оба. Заметил это позже.

4. Автозак, суд, КПЗ ОВД ЮТ

Около 4-х мы приехали к Пресненскому суду и встали около. Из автозака нас выпускали по парам- курить и в туалет, почему нельзя было держать нас в фойе — непонятно. Автозак, когда стоит, моментально остывает,

было холодно. Одной девушке стало плохо, вызвали скорую. Приехала скорая очень не сразу. Осмотр происходил на милицейской половине автозака, в присутствии ментов. Девушка во всеуслышанье должна была рассказывать о себе конфиденциальную медицинскую информацию — перенесённые заболевания, течение месячных, цвет мочи и т. п. Только когда дошло до укола в ягодицу, ментов попросили выйти. После этого врачи покинули пациентку, не удосужившись заметить, что виной её состояния — холод (уж про то, чтобы госпитализировать её и отпустить из больницы домой я и не говорю!). Менты включали ей печку ненадолго, оставили сидеть в своей половине (видимо, там были мягкие — и более тёплые — сиденья).

Запомнился диалог с ментом: — «Простите, не могли бы вы меня сопроводить в сортир?» — «Послушайте, девушка, мы, между прочим, матом не ругаемся, а вы что себе позволяете?!». Полагаю, они производили слово «сортир» от глагола «срать».

До 10 часов вечера из девяти человек (8 из Южного Тушина Строганов из Митино) судья Ирина Зубова успела осудить троих полностью и двоих (в т. ч., и девушку, которой вызывали скорую) — наполовину, только по одной из двух предъявленных статей (скорость, учитывая выбранный ею стиль судопроизводства, не поддаётся никакому объяснению). В 22 часа мы поехали по своим ОВД и в 23 были на месте.

Принимал нас по-прежнему майор Шевчук. Он хамил, вновь отказался предоставить телефонный звонок. Обыскивал он нас гораздо дотошнее, чем предыдущая смена, забрал у меня варежки (якобы, их можно распустить и так получить верёвку), у Дениса Бахолдина вырезал ножницами из куртки шнур, затягивающийся на талии. Описи изымаемых предметов не велось, понятных не было. Впрочем, ничего не пропало.

В КПЗ в это время содержался местный житель, ударивший милиционера при задержании за распитие спиртных напитков (как он рассказал, его за это заковали в наручники и избили, а теперь грозились закрыть на 15 суток. Мягкость кары, возможно, объясняется тем, что он местный, с некоторыми отделения ментами знаком с детского сада) — итого, нас стало 9 на три двухместные камеры. Арестант этот считался ментами настолько опасным, что Даниила Когтева, чтобы не подвергать риску, положили на пол в женскую камеру (где уже содержались три девушки), и только ночью перевели в мужскую. Мне же, вступавшему с майором Шевчуком в пикировки, и Денису (возможно, за его неудовольствие порчей куртки?) наоборот, было с удовольствием сообщено, что нас сажают к этому арестованному хулигану «и теперь мы узнаем». Хулиган оказался, впрочем, вполне безобидным.

Еды и воды нам не дали, после посещения туалета камеры на ночь были заперты и м. Шевчук велел «не стучать, как обиженные, если только не будет поноса». Теперь на полу без матраса спал Денис — правда, на этот раз в камерах был некоторое время включён обогреватель, но он всё равно замёрз — как, впрочем, и остальные.

06.03.14

5. КПЗ, автозак, суд

Утром м. Шевчук отказался принять у моего папы передачу для меня — шарф, апельсины и бананы — сказав, что не положено, и что нас здесь кормят (хотя кормил он нас за сутки до того, утром 5 марта). Около часа дня мы выехали недосуженным составом (пять человек) и снова встали около Пресненского суда в холодном автозаке. Нас сопровождали менты по имени Тяпкин и... Варфоломеев что ли? которые отказались выводить нас

в туалет с прекрасным объяснением: «Одного выведешь — все запросятся». Из дальнейшего спора мы узнали, что они не конвоиры и не обязаны нас конвоировать, что им на нас насрать и пусть мы гадим прямо в автозаке. Острота дискуссии была снята, когда человека, просившегося в туалет, первым вызвали в суд — иначе, возможно, пришлось бы действительно использовать автозак по назначению.

С самого ареста 4 марта менты вели с нами политические дискуссии (особо упирая на то, что мы выходим на митинги за деньги — таким тоном, как будто они работают ментами бесплатно!), но Варфоломеев и Тяпкин вложили в эти споры максимум сил. Кто-то из них даже специально (я полагаю) запускал на своём планшете на полную громкость антимайдановские ролики отечественного ТВ (уже архивные, но на попытки уличить их в несоответствии текущему моменту, отвечал, что сегодняшние) — про зверства, фашизм и проч., ну и остальной набор упрёков и подозрений в наш адрес был озвучен.

На этот раз судья Зубова судила быстрее и была несколько великодушной, чем днём ранее. Если 5 марта все, попавшие к ней на суд, получили от 15 до 5 суток (причём две девушки — по 10) и по 20 тыс. штрафа, то в этот раз недосуженной тогда девушке она дала только 10 тыс. штрафа и предлагала чай с конфетами, а из четырёх юношей трём не дала суток вовсе.

Я попал к ней в 4 часа с небольшим. Была возможность воспользоваться услугами адвоката от «Росузника», но она дала мне на подпись бумажку о моих правах, и, когда я не слишком внимательно прочтя, подписал её, оказалось, что, якобы, там был отказ от адвоката и от ходатайств. Проверять я не стал и беседовал с судьёй один.

Мы имели спор о факте вторжения российских войск в Украину и об опасности такого вторжения, о моих

обязанностях многодетного отца, о смысле массовых мероприятий, правилах и месте их проведения. Слушать историю появления второго, «закрывного» протокола она отказалась, удовлетворившись моим признанием, что я действительно осознанно и не по редакционному заданию участвовал в несанкционированном митинге (20.2), и отказом признаться в неповиновении ментам (тут я немного покривил душой, но на фоне фейкового протокола, где написано, что я вырывался, пытался скрыться в толпе, а также «дезорганизовать помещение других задержанных в полицейский автобус» (sic!) и т. п. — это несущественно). Я получил 10 тыс. штрафа по 20.2 и 500 рублей штрафа по 19.3 (в решении было написано, что моё неповиновение доказывается «внимательно изученными» показаниями ментов, в которых сомневаться у судьи нет оснований — хотя ничего она не изучала, даже не захотела дослушать до конца). Около 5 часов я вышел на свободу.

Всё вместе оказалось удивительно созвучным тюремным воспоминаниям Иванова-Разумника, которые я сейчас читаю. Все участники процесса играют по неким правилам, имитируя расследование правонарушения и судопроизводство, причём все понимают, что врут-менты описывают не реально бывшее, а типовую, одну на всех арестантов и одну на все составы преступлений картинку несанкционированного митинга, на ходу меняя её квалификацию по КоАП РФ; судья «внимательно изучает» их творчество и принимает волюнтаристские решения, отказываясь слушать обвиняемого и раздавая вполне одинаковым людям разные кары за якобы одинаковые действия (даже в совсем уже трудноразличимой паре Рейда Линн\Никс Немени, как я понял, одной дали штраф 20 тыс., а другой — 10). Радует, конечно, что пока нас обвиняют в «попытке дезорганизовать помещение других задержанных в полицейский автобус», а не в шпионаже в пользу Японии,

и раздают 10–20 суток, а не 10–20 лет заключения — но немного тревожно: лиха беда — начало.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Украина



С началом полномасштабного вторжения в Украину в России стали преследовать тех, кто так или иначе высказывает реакцию на военные действия.

135  1036 

Нет войне! Сход граждан у МО - 2

2  16 